

ставлений и идей, что вовсе не обеспечивает им одинаковую степень социальной ценности [4, с. 108]. Христианское вероучение и мораль, система традиционных религиозных и нравственных ценностей христианства были тем стабилизирующим и консолидирующим основанием, на котором строилась духовная жизнь народа и на которое опиралась система образования и воспитания [8, с. 20]. Ценности традиционных для Беларуси конфессий, наряду с гуманистическими ценностями нерелигиозных мировоззрений, рассматриваются на современном этапе в качестве одного из источников содержания воспитательной деятельности в школе и вузе. Однако проблема недостаточной информированности белорусского общества о ценностях традиционных религий продолжает оставаться актуальной.

В соответствии с современными тенденциями общественной практики в среде верующих традиционных для Республики Беларусь христианских конфессий преобладают так называемые «партикулярные верующие». У них наблюдается явное несоответствие между индивидуальной верой и культовым поведением, между личной убежденностью (религиозной самоидентификацией) и конфессиональной компетентностью (догматическим, каноническим соответствием) [3, с. 71]. При этом большой процент верующих либо слабо информирован о вероучительных основах своей религии, либо вообще не придает им особого значения (что граничит, в некоторых случаях, с ситуацией ереси). Около трети христиан верят в переселение душ [3, с. 63]. Оставаясь в стороне от всей мощи духовного потенциала христианства, человек отстраняется от морально-нравственных норм поведения в повседневной жизни. В сложившейся в Беларуси ситуации, осложняемой воздействием западной массовой культуры и нетрадиционных религиозных культов, очень непросто отстаивать свои национальные святыни – устои, идеалы, ценности [1, с. 52].

В жизнедеятельности белорусского социума ценности христианства призваны выступить эффективным позитивным средством преодоления влияния некультурных деструктивной направленности, подрывающих его духовную основу, т.к. все саморазрушительные личностные процессы начинаются со стадии осмысления новой информации, предоставленной человеку окружающей средой. В общественно-политической практике данное обстоятельство требует от каждого гражданина «выработать» четкое представление о человеке как духовно-нравственной личности, о смысле его жизнедеятельности и социальной ответственности. Соответствующими базовыми основаниями жизнедеятельности белорусского общества могут выступить христианские ценности, способствующие достижению данной цели. Христианские ценности любви и терпимости как базовые моральные чувства, обуславливающие духовно-нравственные мотивы и установки, выражают мировоззрение белорусского народа, соответствуют его духу и истории, способствуют достижению цели согласования повседневных личных и социальных интересов, обеспечению целостности и стабильности общества. Обращение к рефлексивным ценностям христианства, раскрывающим отношение

личности к самой себе и своему внутреннему миру, гарантирует преемственность общечеловеческого опыта и приобщение к национальной культуре, формирование чувства укорененности в своей отчизне, патриотизма и ответственности за нее. Главнейшим условием выживания и сохранения своего места в истории, что подтверждает героическое прошлое белорусского народа, является обращение к этим вечным и универсальным началам общественной жизни. Ориентация на духовно-нравственные приоритеты христианства будет способствовать гражданскому единению, консолидации, духовному оздоровлению и сплочению белорусского общества, рациональному выбору исторического развития в XXI столетии.

Ценности христианства, формируемые в духовной сфере жизни общества, распространяются и утверждаются через социальные институты (семьи, церкви, государства, системы образования и воспитания, научных организаций, учреждений культуры и т.д.), через институт национальной культуры. В период социальных трансформаций на них влияют идеология и переоценка ценностей в условиях независимого белорусского государства.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Адуло, Т.И. Духовно-идеологические процессы в Беларуси и их особенности / Т.И. Адуло // Духовно-нравственное и физическое оздоровление общества: состояние, проблемы, поиск эффективных форм и методов : материалы Респ. науч.-практ. конф., 23–24 дек. 2003 г., Минск ; в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Беларус. гос. ун-т ; редкол. : Е.М. Бабосов [и др.]. – Минск, 2005. – Ч. 1. – С. 50–52.
2. Бабосов, Е.М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е.М. Бабосов. – Минск: Амалфея, 2008. – 488 с.
3. Безнюк, Д.К. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь / Д.К. Безнюк. – Минск: РИВШ, 2006. – 214 с.
4. Винокурова, С.П. Методологические проблемы исследования морали / С.П. Винокурова. – Минск: Минский гос. пед. ин-т, 1992. – 110 с.
5. Евменов, Л.Ф. Международная идеология прав человека: проблемы – решения. Опыт философского исследования / Л.Ф. Евменов. – Минск : Хата, 2000. – 450 с.
6. Кутузова, Н.А. Религиозный радикализм и альтернативные социальные проекты / Н.А. Кутузова // Весн. Брэсцкага ун-та. Сер. гум. і грамад. навук. – 2009. – № 3. – С. 13–20.
7. Короткая, Т.П. Религиоведение: религии в Беларуси / Т.П. Короткая. – Минск: БГЭУ, 2004. – 98 с.
8. Осипов, А.И. Духовность. Традиция. Патриотизм: монография / А.И. Осипов. – Минск: Молодеж. науч. общ-во, 2001. – 99 с.
9. Павловская, О.А. Духовно-нравственная безопасность современного человека / О.А. Павловская // Адукацыя і выхаванне. – 2008. – № 4. – С. 20–26.

Материал поступил в редакцию 06.05.14

LAHUNOUSKAYA A.A. Christian values in the moral and legal regulation of social relations in the Belarusian society

The author examines the religious policy of the state, the influence of Christian values in the socio-cultural situation in which flows the spiritual formation of the human personality, defines the place and role of Christian values in the moral and legal regulation of social relations in the Belarusian society.

УДК 556.562:349.41

Речиц Е.В.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ВОДНО-БОЛОТНЫЕ УГОДЬЯ»

Водно-болотные угодья – это наиболее продуктивные экологические системы мира [1, с. 9]. Как отмечают ученые и практические работники [1, с. 10–12; 2, с. 8; 3], взаимодействие физических, био-

логических и химических компонентов водно-болотных угодий позволяет им выполнять многие жизненно важные природные функции, в т.ч. поддержание гидрологического режима ландшафтов, регуля-

Речиц Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук, Брестский государственный технический университет.
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ция геохимических процессов в биосфере, сохранение биологического и ландшафтного разнообразия биосферы. Водно-болотные угодья обеспечивают условия для осуществления водоснабжения, рыболовства, сельского хозяйства, заготовки древесины, энергообеспечения, ведения охотничьего хозяйства, туризма и иных видов природопользования. Кроме того, водно-болотные угодья представляют собой научный ресурс и имеют учебно-культурное значение. Высокая значимость водно-болотных угодий в природе, и для человечества в частности, обуславливает необходимость закрепления термина «водно-болотные угодья» в международном и национальном законодательстве.

Отдельные аспекты правового регулирования использования и охраны водно-болотных угодий исследовались в трудах Балащенко С.А., Жлобы А.А., Лаевской Е.В., Лизгаро В.Е., Макаровой Т.И., Мороза О.В., Шахрай И.С., Шингель Н.А. и других ведущих белорусских ученых. Однако вопросу истории возникновения и правового закрепления термина «водно-болотные угодья» должного внимания не уделялось.

До 70-х гг. XX в. водно-болотные угодья рассматривались преимущественно с экономической точки зрения без учета их экологического, культурного, научного, рекреационного и прочего значения для человечества. Более того, они отождествлялись с источниками наводнений, сырости, туманов, местами размножения вредных растений и животных, распространителями паразитов и болезней. К ним подходили как к нежелательным природным комплексам, неудобным для занятия сельскохозяйственной и лесохозяйственной деятельностью, топким, зыбким местам, непригодным для строительства и размещения различных зданий, сооружений, дорог и других объектов [2, с. 7–8].

Проблема охраны водно-болотных угодий как особых экологических систем впервые была обозначена конференцией, проведенной 12–16 ноября 1962 г. в Сент-Мари-де-ла-Мер (Франция) в рамках научно-исследовательского Проекта MAR, разработанного в 1960 г. для изучения проблем сокращения численности водоплавающих птиц вследствие быстрого осушения и иного разрушения крупных участков заболоченных земель и прочих водно-болотных угодий в Европе, а также чрезмерной эксплуатации их ресурсов. На конференции MAR была предложена следующая дефиниция водно-болотным угодьям: «водно-болотные угодья – это неизменные территории, покрытые мелкой и иногда временной или сезонно выступающей водой. Водно-болотными угодьями являются низинные и верховые болота, топи, сырые луга и заливные луга рек, а также мелководные озера и озера с подводной растительностью. К водно-болотным угодьям не принадлежали более глубокие реки, озера и водохранилища, а также территории, кратковременно покрытые водой, так как там не может развиваться болотная растительность» [1, с. 29; 2, с. 8].

2 февраля 1971 г. на международном совещании в Рамсаре (Иран) было предложено иное юридическое определение водно-болотных угодий [1, с. 29; 2, с. 9]: «водно-болотные угодья – районы болот, фенот, торфяных угодий или водоемов – естественных или искусственных, постоянных или временных, стоячих или проточных, пресных, солоноватых или соленых, включая морские акватории, глубина которых при отливе не превышает 6 метров». В принятой по результатам совещания Рамсарской конвенции [4] также устанавливалось, что в состав водно-болотных угодий могут входить прибрежные речные и морские зоны, смежные с водно-болотными угодьями, и острова или морские водоемы с глубиной более шести метров во время отлива, расположенные в пределах водно-болотных угодий, особенно там, где они важны в качестве местообитания водоплавающих птиц.

Ряд авторов признавали используемый Рамсарской конвенцией подход к правовому содержанию термина «водно-болотные угодья» чрезмерно пространственным. В частности, утверждалось, что «указанное определение охватывает всевозможные типы водоемов. К водно-болотным угодьям следует относить лишь такие, где преобладает мокрая почва, где уровень грунтовой воды близко или находится над минеральной почвой». Соответственно, предлагалось применять к закрепленному Рамсарской конвенцией юридическому определению понятие «водяной биотоп», а фактическим водно-

болотным угодьям присвоить юридическое определение, принятое на конференции MAR [2, с. 9–10].

Юридическое определение водно-болотных угодий международного значения было окончательно сформулировано международной конференцией по охране увлажненных территорий и водоплавающей дичи в Хайлигенхафене (Германия) в декабре 1974 г. посредством принятия критериев для их выделения [1, с. 30; 5, с. 26–27]. Условно критерии для выделения водно-болотных угодий международного значения объединялись в группы, согласно которым: а) водно-болотные угодья «представляют экологическую ценность, в том числе для водоплавающих птиц; посещаются не менее чем десятком тысяч особей или имеют жизненно важное значение для биогеографических популяций одного или нескольких ценных видов водоплавающих; имеют большое значение для сохранения генетического и экологического разнообразия растительных и животных форм, а также большое научное или экологическое значение»; б) водно-болотные угодья «отражают репрезентативность или уникальность, то есть либо представляют собой характерный образец водно-болотных сообществ какого-либо природного региона, либо пример критической стадии сообщества или экстренных условий для биологических или гидроморфологических процессов»; в) являются «достаточно исследованы, обеспечены научными кадрами и оснащены научным оборудованием; исследования хорошо документированы, регулярно публикуются и представляют в связи с этим благоприятные возможности для просвещения, воспитания общественного экологического сознания, понимания значимости увлажненных территорий, их роли в биосфере, в частности, в гидросфере»; г) «существует реальная возможность управлять водно-болотным угодьем с физической и административной точек зрения и отсутствует реальная угроза серьезного загрязнения или нарушения гидрологического режима». В связи с недостаточным числом стран, ратифицировавшим Рамсарскую конвенцию предложенные Критерии для выделения водно-болотных угодий международного значения получили рекомендательный характер.

В ноябре 1980 г. в Кальяри (Италия) первое заседание Конференции сторон Рамсарской конвенции приняло новые Критерии выделения водно-болотных угодий, подходящих для включения в Список водно-болотных угодий международного значения [1, с. 31, 75]. Так, водно-болотное угодье следует считать имеющим международное значение, если оно: 1) является особо репрезентативным примером естественного или почти естественного угодья, типичного для данного биогеографического региона; является особо репрезентативным примером естественного или почти естественного угодья, общего для нескольких природных регионов; является особо репрезентативным примером угодья, играющего существенную гидрологическую, биологическую или экологическую роль в естественном функционировании крупного речного бассейна или прибрежной системы, особенно расположенных на границе; является примером специфического типа угодья, редкого или необычного для данного биогеографического региона; 2) обеспечивает существование оцутимого количества редких, исчезающих или находящихся под угрозой исчезновения видов растений или животных, или значительного количества особей одного или нескольких таких видов; 3) представляет особую ценность для поддержания генетического и экологического разнообразия в регионе благодаря качеству и своеобразию своей флоры и фауны; 4) имеет особую ценность в качестве местообитания растений и животных на критической стадии их биологического цикла; представляет особую ценность для одного или более эндемичных растений или животных, или сообществ; 5) регулярно поддерживает существование 20000 водоплавающих птиц; регулярно поддерживает существование значительного количества особей из особых групп водоплавающих, свидетельствующих о ценности водно-болотного угодья, его продуктивности или биоразнообразия; 6) поддерживает существование в популяции 1 % особей одного или более видов или подвидов водоплавающих птиц (если можно установить численность популяции).

В феврале 1996 г. Стороны Рамсарской конвенции добавили новые критерии по рыбам: водно-болотное угодье следует считать имеющим международное значение, если оно поддерживает существование значительного числа аборигенных подвидов, видов или

семейств рыб, отдельных стадий их биологического цикла, взаимодействия видов, и (или) популяций, которые являются индикаторами экологической и (или) экономической ценности водно-болотного угодья, и тем самым вносят вклад в биологическое разнообразие планеты; является важным источником пищи для рыб, нерестилищем, местом нагула молоди и (или) лежит на миграционном пути, от которого зависят популяции рыб либо внутри водно-болотного угодья, либо вне его [1, с. 75–76].

С принятием Резолюцией VII.11 в мае 1999 г. Стратегической схемы и указаний по дальнейшему формированию Списка водно-болотных угодий международного значения критерии были реорганизованы в две группы исходя из их эталонности, уникальности и значения для сохранения биологического разнообразия: Группу А составляют участки, содержащие эталоны, редкие или уникальные типы водно-болотных угодий; Группу Б – водно-болотные угодья, имеющие международное значение для сохранения биологического разнообразия [1, с. 36, 75].

В ноябре 2005 г. на девятом заседании Конференции Сторон Рамсарской конвенции в Кампале (Уганда) был введен критерий для выделения водно-болотных угодий, имеющих международное значение: водно-болотное угодье следует считать имеющим международное значение, если оно регулярно поддерживает существование 1% особей в популяции какого либо вида или подвида животных (за исключением птиц), обитающих в водно-болотных угодьях [1, с. 57, 75].

Рамсарская система классификации типов водно-болотных угодий включила в себя 42 типа, сгруппированных в три категории: морские и прибрежные водно-болотные угодья, континентальные водно-болотные угодья и антропогенные водно-болотные угодья [1, с. 79–81].

К морским (приморским) водно-болотным угодьям были отнесены: постоянные морские мелководья, как правило, менее 6 метров глубиной при отливе, в том числе морские бухты и проливы; морские сублиторальные мелководья и банки, в том числе подводные заросли бурых водорослей, морских трав, тропические морские луга; коралловые рифы; каменистые морские побережья, в том числе скалистые прибрежные острова и обрывы; песчаные и галечные побережья, в том числе песчаные бары, косы и островки; включая системы дюн и заболоченные понижения между дюнами; постоянные воды эстуариев и дельты; илистые, песчаные и засоленные поверхности; литоральные марши, в том числе соленые приморские болота, соленые луга, солончаки, приморские солончатые и пресные болота; литоральные лесные водно-болотные угодья, включая мангры; прибрежные солончатые, соленые лагуны, а также солончатые и соленые лагуны, связанные с морем по крайней мере одним относительно узким проливом; прибрежные пресноводные лагуны, включая дельтовые лагуны; карстовые и другие подземные гидрологические системы.

В категорию континентальных водно-болотных угодий вошли: постоянные внутренние дельты; постоянные реки и ручьи, включая водопады; сезонные и временные реки, ручьи, водотоки; постоянные пресноводные озера (площадью свыше 8 га), включая большие старицы; сезонные и временные пресноводные озера (свыше 8 га), включая пойменные озера; постоянные соленые, солоноватые, щелочные озера; сезонные и временные, соленые, солоноватые и щелочные озера и отмели; постоянные соленые, солоноватые, щелочные болота и мелкие водоемы; сезонные и временные соленые, солоноватые и щелочные болота и мелкие водоемы; постоянные пресноводные болота, мелкие водоемы, пруды (менее 8 га), болота на бедных органикой почвах, с полупогруженной растительностью, обводненные большую часть вегетационного периода; сезонные и временные пресноводные мелкие водоемы на бедных органикой почвах, включая поемные луга, осоковые болота; безлесные торфяные болота, включая кустарниковые и открытые верховые болота, переходные и низинные торфяные болота; альпийские водно-болотные угодья, включая альпийские луга, временные водоемы, возникающие от таяния снегов; тундровые водно-болотные угодья, включая мелкие тундровые водоемы и временные водоемы, возникающие от таяния снегов; кустарниковые водно-болотные угодья на бедных органикой почвах, в том числе закустаренные пойменные

водно-болотные угодья, ольшаники; пресноводные лесные водно-болотные угодья, включая сезонно затопляемые леса, заболоченные леса на бедных органикой почвах; лесные торфяные болота; пресноводные источники, оазисы; геотермальные водно-болотные угодья; карстовые и другие подземные гидрологические системы.

Антропогенные водно-болотные угодья – это аквакультурные (моллюско- и рыборазводные) пруды; пруды, в том числе фермерские, водопои и другое (обычно до 8 га); ирригационные системы, включая оросительные каналы и рисовые чеки; сезонно заливаемые сельскохозяйственные земли (луга, пастбища); солины, соляные озера; сбросные водоемы, водохранилища (обычно более 8 га); карьеры, водоемы в карьерных выработках песчано-гравийного сырья, глины и прочее; отстойники сточных вод; каналы и дренажные канавы; карстовые и другие подземные гидрологические системы.

Таким образом, международное сообщество в целом исходит из понимания проблемы ускоряющегося исчезновения водно-болотных местобитаний, в том числе вследствие преимущественно потребительского подхода к водно-болотным угодьям без учета их экологического, культурного, научного, рекреационного и прочего значения для человечества. Особую актуальность указанная проблема приобретает в связи с тем, что многие водно-болотные угодья представляют собой международные системы, расположенные на территориях двух или более государств, или являются частью речных бассейнов, включающих в себя более чем одно государство. Водно-болотные угодья признаются эталонными, редкими, уникальными природными и антропогенными экосистемами, которые имеют исключительно важное значение для сохранения биологического разнообразия и для благосостояния человека.

Действующая редакция Рамсарской конвенции применяет широкий подход к юридическому определению понятия «водно-болотные угодья», включающий районы болот, фенот, торфяных угодий или водоемов – естественных или искусственных, постоянных или временных, стоячих или проточных, пресных, солоноватых или соленых, включая морские акватории, глубина которых при отливе не превышает шести метров, а также прибрежные речные и морские зоны, смежные с водно-болотными угодьями, и острова или морские водоемы с глубиной больше шести метров во время отлива, расположенные в пределах водно-болотных угодий. Иными словами, термин «водно-болотные угодья» обозначаются многообразные местобитания, где вода является основным фактором, контролирующим состояние окружающей среды и определяющим условия жизни растений и животных. Водно-болотные угодья встречаются в тех местах, где водное зеркало находится на поверхности, или близко к поверхности земли.

Следует отметить, что Республика Беларусь придерживается используемого в Рамсарской конвенции подхода к определению водно-болотных угодий [6; 7]. Водно-болотные угодья Республики Беларусь, имеющие международное значение, представлены крупнейшими в Европе низинными болотами, крупными и типичными верховыми болотами региона Белорусского Поозерья, комплексом переходных и низинных болот Полесской низменности, а также сложным комплексом болот, лесов и лугов в пойме реки Припять. В Республике Беларусь в соответствии с Рамсарской конвенцией охраняется 16 водно-болотных угодий: «Споровский», «Средняя Припять», «Званец», «Ольманские болота», «Освейский», «Ельня», «Котра», «Простырь», Березинский биосферный заповедник, «Выгонощанское», «Морочно», «Старый Жаден», «Острова Дулебы - Заозерье», «Козьянский», «Выдрица» и национальный парк «Припятский» [8].

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Руководство по Рамсарской конвенции: справочник по осуществлению Конвенции о водно-болотных угодьях (Рамсар, Иран, 1971 г.). – 4-е изд. – Секретариат Рамсарской конвенции, Гланд, Швейцария, 2006. – 150 с.
2. Кумари, Э. Водно-болотные угодья международного значения и изучения водоплавающих птиц / Э Кумари // Водно-болотные

- угодья и водоплавающие птицы / АН ЭССР, Ин-т зоологии и ботаники. – Таллин: Валгус, 1987. – 127 [1] с.
3. Виноградов, В.Г. Охрана местообитаний водно-болотных птиц / В.Г. Виноградов, Н.Н. Скокова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.birdsbb.ru>.
 4. Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях международного значения // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pskovfish.ru/oopt_f_vbu.htm.
 5. Скокова, Н.Н. Водно-болотные угодья международного и национального значения в СССР / Н.Н. Скокова // Водно-болотные угодья и водоплавающие птицы / АН ЭССР, Ин-т зоологии и ботаники. – Таллин: Валгус, 1987. – 127 [1] с.
 6. Стратегия по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 10.02.2009 г. №177 // Консультант Плюс: Версия 4000.00.30 [Электронный ресурс] / ООО «Сезар Плюс». – Брест, 2014.
 7. Национальная стратегия развития и управления системой природоохранных территорий до 1 января 2015 г.: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.12.2007 г. №1920 // Консультант Плюс: Версия 4000.00.30 [Электронный ресурс] / ООО «Сезар Плюс». – Брест, 2014.
 8. Всемирный день охраны водно-болотных угодий // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecoinfo.bas-net.by/calendar/den_bolot.html.

Материал поступил в редакцию 10.11.14

RECHITS E.V. History of emergence and legal fixing of the term "wetlands"

Article is devoted to a question of history of emergence and legal fixing of the term "wetlands". Wetlands are considered as the reference, rare, unique ecological systems of a natural and artificial origin having essential values for preservation of biological diversity and ensuring welfare of the person. Broad approach according to which wetlands are understood as habitats where water is the major factor controlling a state of environment and defining living conditions of plants and animals is noted.

УДК 316.77

Шебанова И.А.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Введение. Термин «семейная политика» в научной литературе России и Беларуси используется относительно недавно, с конца 80-х годов XX века. Анализом различных моделей семейной политики в настоящее время занимаются специалисты в области демографии, экономики, социологии, юриспруденции и др. Основной целью семейной политики считается обеспечение благоприятных социальных, экономических и нравственных условий для наилучшего выполнения семейных функций и обеспечения свободного развития каждого члена семьи.

Принципы семейной политики определяются историческими, этническими, религиозными, культурными традициями, материальными возможностями общества, социально-демографической ситуацией. Состояние института семьи, степень ее устойчивости – важнейший индикатор адекватности социальной политики закономерностям социального развития в целом, показатель эффективности проводимых реформ.

В научной литературе существует немало моделей классификации семейной политики по различным признакам. Некоторым моделям будет уделено внимание в данной статье.

Теоретическими изысканиями по данной тематике в России занимались А. И. Антонов, И.В. Бестужев-Лада, В.А. Борисов, Д.И. Валентей, Э.К. Васильева, А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, С.И. Голод, Л.Е. Дарский, А. Я. Кваша, И.С. Кон, М.С. Мацковский, Н.М. Римашевская, В.А. Сысенко, Б.Ц. Урланис, А.Г. Харчев, Б.С. Хорев, Н.Г. Юркевич, З.А. Янкова и других ученые.

Одним из первых опубликованных источников по проблеме семейной политики считается сборник «Семья как объект социальной политики» Института социологических исследований, изданный в 1986 году, где основное внимание уделялось сфере брачно-семейных отношений [1].

По сравнению с социальной, семейная политика является более целенаправленной, сориентированной на конкретный объект действий – семью и представляет собой комплекс целенаправленных мер экономического, политического, правового, медико-социального, информационно-просветительского и организационно-управленческого характера [2].

Выделяют дефиницию семейной политики в узком и в широком смысле. Согласно первой позиции семейная политика представляет собой выплату пособий и предоставление определенных услуг семейным парам с детьми или родителям-одиночкам. Сюда входят следующие компоненты: денежные пособия; декретный отпуск и отпуск по уходу и воспитанию ребенка; различные налоговые льготы, субсидии на приобретение социально значимых товаров; учреждения по уходу за ребенком.

Если обратиться к широкому определению семейной политики, то в нее включают все стороны государственной политики, прямо или косвенно воздействующие на семью, как на институт. В таком случае учитывается питание, общественный транспорт, помощь пенсионерам, различные формы занятости для семей с детьми, законодательство (бракоразводное, права сожительствующей пары, права детей, права усыновителей, ювенальная юстиция, правовые отношения вокруг аборт и контрацепции), услуги образования и здравоохранения, содействие семейному досугу, иммиграция и др. Принципиально новым в разработке семейной политики является ее ориентация на оказание прямых социальных услуг через разнообразные социальные службы (медико-социальные, психологические, педагогические, социально-правовые), что предполагает наличие подготовленных профессиональных социальных работников, владеющих современными технологиями работы с семьей [3].

В Советском Союзе семейная политика не носила системного характера, отождествляясь с социальной политикой. Это проявлялось в стимулировании рождаемости, помощи городским работающим женщинам, в предоставлении отпуска и пособия по беременности и родам, в оплачиваемых перерывах на кормление ребёнка. Советская семейная политика «была сосредоточена на вопросах регуляции брачно-семейных отношений работающих женщин и на вопросах охраны и материальной поддержки материнства и детства» [3]. Таким образом, советская семейная политика по существу поддерживала не семью, а только работающих женщин-матерей. Именно в советский период сформировалась та модель семьи, которая существует и сейчас: модель семьи с двумя работающими на формальном рынке труда родителями, считает В.Е. Семенов [4].

Шебанова Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.